

Тина Арсеньева

Фрези Грант

1.

Так, словно мы еще не всё сказали,
Таращатся галактики в юдоль:
Казалось мне – есть имя на вокзале
Их притяженью, внятному, как боль.

Ведь всякий поезд ящерицей юркой
Скользил меж пальцев – прямым туда,
Где, может, небоскребы, может, юрты,
Но непременно белы – города.

С тех пор, пределов Северной Короны
Не покидая, с вотчиной в горсти,
Обвыкла я столбить собой перроны
И с долгих пирсов медленно брести.

Дана была в предел черта морская,
И всякий город ведом как привал,
И окоем, отъему потока,
Смеясь в лицо, грозил и зазывал.

Свидетель небо – как перчатку кречет,
Люблю сей мир: отныне, как сперва.
Живу рывком: вослед или навстречу –
Незрячего, по сути, естества,

С простертою рукой: она же строже
Воздетой в крестном знаменье руки –
Ведь что у вас кресты на раздорожье,
То здесь на входе в гавань маяки.

Когда тебя понудит, что не мило,
Я стану приходить к тебе во сне
Тем берегом, что проплывает мимо,
Перроном тем, что стронулся в окне.

Но к памяти твоей не будем строги,
Ведь память – что ныряльщика страда:
В ее потьмах объяли воды многи
И перл, и сокрушенные суда.

И будь ко мне судьбы благоволенье
Ликующим, как вешний хор дроздов, –
В нем станет биться давнее томлень
Неровным пульсом дальних поездов.

Где следом кормовым кипеть и таять
Вспоминанью, я взгляну светло
В прозрении, что мировая тайна
Поймалась в сеть вокзального табло.

2.

Средиземноморье? Та же соль
На разлив – процедишь сквозь глаза.
Сотрясать обрыва антресоли
Точно так навывшая гроза.

Ведь в упорном развороте крыл
Парусинных рея над волной,
Никуда Улисс ваш не доплыл,
Кроме глухомани островной.

Здесь твой двор, в поленницу дрова
Уложи, травую оторочь.
Как прекрасны эти острова:
Здесь бы жить – томиться – рваться прочь!

Скалься ввысь обломками гряды,
Выморщи горючие пески,
Но тебя, мой город у воды,
Обуяли те же сквозняки.

У тебя изгвазданный лиман –
Колдовству Цирцеи сто очков;
Твой в дыму дрейфующий шалман
Разразили громы каблучков:

Вся – недоумение души
Собственной оправой на одре,
Эй, Сильветта, вредина, пляши
С худенькой ладошкой на бедре!

Чей ты рассыпаешь топоток,
Юбку взвеяв, словно флотский стяг?
Малагеньи лавовый поток,
Ошалев, лакает Аю-Даг.

Все здесь впромес – наполняй стакан
Кровотоком пурпурным, заря!
Слышишь: свист – вдогон тебе аркан;
Скрежет – выбирают якоря.

Тех земель багряное вино –
Остров, остров! – руки коротки!..
Нам, таким, от века суждено
Мимо дома плыть на маяки;

Из житейской бури налегке
Выходить, живя не по уму, –

Чтоб в тумане, с фонарем в руке,
Нисходить к заблудшим на корму.

3.

Альбатросы – я слышала – души моряков,
Чьи тела – без отпущенья сброшенный балласт.
Вот и даль отпыхала там, где был таков
Ралом водоизмещенья вывернутый пласт.

Мне – четырнадцать: не вспомню гуще синевы,
Чище – дюны, прорвы – глубже, строже – маяка.
Скоро небо скажет: «Полно!» – морю и, увы,
На мели осенней лужи бросит облака...

Но пока что, одинока, в части кормовой
Внемлю: слаженное пенье глушит толща вод.
В нем без лота и бинокля ясен корневой
Смысл безбрежности: терпенье – соль: слеза и пот.

Но терпенья не приемлет отроческий пыл:
В плеске волн слышна молитва – смысл ее невед;
Звездный зрак над морем въедлив, след, кипя, простыл,
Хор – невнятно, скорбно, слитно – длится в токе вен...

И не станут назначеньем эти города,
В ностальгию тех мелодий ненадежен трап,
Где всесветным разлученьем зыркает звезда –
У судьбы моей в колоде выявленный крап.

Грешным делом и чинарик примешь за звезду,
Где полощется мочало камня-крепыша:
Глянь – а вдруг, вперя фонарик в пенную грядку,
Бродит там, ища причала, некая душа?..

Смыть ли давние чернила, плиты ли сколоть?
Утолить ли повсеместно алчный жор костров?

Помолись – ее теснила матричная плоть;
Помолись – ей было тесно в табели миров.

Так – врасплох – сторожевая вспышка в круге зорь
Проставляет метку срока сданному внаем;
Так – времен не созная, весь – по кругу – зов
Грозно блещущего ока – дышит окоем.

Я лечу – белоголова, я обречена –
Это ложное преданье – это ведь во сне,
Рассекаема, два слова спела мне волна:
Обещанье – ожиданье – те, что жизни – вне...

